ПО ЗАКОНУ МУЖЕСТВА

РАССКАЗ О МОЕМ ОДНОПОЛЧАНИНЕ

Чем дальше уходят годы войны, тем с большей силой тянет ветеранов на места былых сражений. Казалось бы, парадоксально: сколько пережито там, на дорогах войны,— гибель товарищей, горечь поражений, разрушенные города и села, ощущение невольной вины за то, что все это выпало на долю нашему народу. А в мыслях и наяву мы вновь и вновь проходим по ним километр за километром. И те, кто навеки остался на обочинах этих дорог, и те, кто жив и сейчас далеко, — все идут рядом. События давностью уже в несколько десятилетий приближаются вплотную, обжигают душу с пронзительной, неослабевшей, а, наоборот, сконцентрированной, спрессованной временем силой.

Да, немало трудного пришлось испытать на опаленных военным пожаром дорогах, которые в конечном счете сливались в один путь — к нашей Великой Победе. Отваги и мужества на том пути, душевной щедрости, самоотверженности не счесть. Примеры эти по сей день притягивают возможностью опять прикоснуться душой к подвигу, воспроизвести его во всех подробностях, рассказать о том, что так отчетливо встало перед глазами.

У памяти свои законы. Толчок — и со дна, из самых глубин ее вдруг поднимается вроде бы прочно забытое, до деталей оживают события, в мельчайших интонациях звучат голоса.

Сколько раз уже повторялось такое! И вот в Белоруссии, на берегу небольшой реки Оболь...

Был ясный летний день. Плавно струилась неширокая лента воды. По эту сторону — небольшой лесок, поляна, обрывистый, поросший кустарником берег. По ту — поля. Тишина. Стрекот кузнечиков. Щелканье птиц. Неторопливый бег облаков. Далекий гул тракторов. Мир...

А память бунтовала против тишины. Подсказывала —

здесь, на этих берегах, грохотали автоматные очереди, выли мины, заглушая крики людей...

Прошел поляну раз, другой. Вдоль и поперек. Мягко стелилась под ногами трава. С того берега вместе с ветерком доносились родные до боли запахи полей. Неужели именно здесь, на этой поляне, человеку, которого я хорошо знал тогда, помнил до сих пор, понадобилась вся его воля, мужество, чтобы таким же ясным летним днем подняться с земли, увлекая за собой товарищей, пересечь речку, бросить себя несколькими рывками к прибрежным кустам?

...Июнь 1944 года. Войска 1-го Прибалтийского фронта вели упорные, тяжелые бои на территории Белоруссии. 47-я стрелковая дивизия в составе 6-й гвардейской армии наступала на полоцком направлении. Враг сопротивлялся отчаянно. Ведь Полоцк, этот старинный, с тысячелетней историей, город, как бы открывал ворота в Прибалтику, а она граничит с Восточной Пруссией, уже немецкой землей.

В своей обороне гитлеровское командование отводило большую роль Полоцку. Западная Двина, на которой расположен город, служила серьезным препятствием. Здесь сходился узел железных и грунтовых дорог, к тому же фашисты сильно укрепили берега реки. Правый берег представлял систему хорошо оборудованных опорных пунктов. Главная полоса обороны имела несколько траншей, усиленных пулеметными гнездами и минометами. За ними располагались батареи. Перед передним краем на некоторых участках тянулись густая полоса проволочных заграждений, минные поля.

Несмотря на сплошную лавину огня, мы упрямо продвигались вперед. Даже по ночам не прекращался орудийный грохот и безудержный пулеметный лай. Вражеские снаряды рвали белорусскую землю. Наши артиллеристы вели контрбатарейную борьбу. То и дело в темноте вспыхивали яркие хвосты гвардейских минометов. Как поземка, свистела свинцовая метель трассирующих пуль...

Потери мы несли немалые. Каждый погибший в бою товарищ уносил с собой частицу нашей души. Но еще больнее было видеть сожженные деревни, убитых фашистскими извергами женщин, детей. Сердце запекалось болью и ненавистью...

25 июня стрелковый полк Максима Хромозина подошел к Оболи — притоку Западной Двины. Назавтра предстояло форсировать реку — неширокую, но довольно глубокую, с обрывистыми высокими берегами, поросшими кустарником.

Опустился теплый вечер. Густые сумерки окутывали лес-

Герой Советского Союза
А. М. Зуев

ную поляну, у края которой в землянке, только что отбитой у врага, разместился наш политотдел. Я еще осматривался, когда от двери послышалось:

— Разрешите обратиться?..

На пороге стоял комсорг батальона лейтенант Зуев, как всегда, подтянутый. Гимнастерка аккуратно расправлена под ремнем. Из-под пилотки чуть озорно поблескивают лучистые карие глаза, несколько неожиданные на очень спокойном, обычно невозмутимом лице.

Зуев считался одним из лучших комсоргов, хотя ничто в его внешности, манере держаться не напоминало признанного, самой судьбой намеченного заводилу. Никакой броской лихости, эдакой размашистой удали. Напротив, отличался он немногословностью. На совещаниях садился где-нибудь поодаль, большей частью молчал. Но угадывалась в Зуеве глубоко спрятанная душевная сила, основательность, надежность человека, от природы наделенного этими качествами, которые укрепила нелегкая трудовая жизнь.

Сызмала привык работать паренек из небольшого смоленского села. Когда же грянула военная гроза, юноша ушел защищать Родину с той же естественной готовностью, с какой каждое утро, сколько помнил себя, выходил на колхозное поле. Среди новобранцев Алексей, видимо, сразу выделился именно своей обстоятельностью, которая на войне ценилась не меньше, если не больше, неприкрытой лихости. Через год с небольшим Алексея направили на учебу, откуда вернулся он на фронт уже лейтенантом. Вожаком своим молодые бойцы выбрали его сразу, разглядев в Зуеве, несмотря на внешнюю незаметность, неумение говорить зажигательно, надежную его сущность. А политотдел утвердил молодого офицера в должности комсорга батальона, опираясь на мнение тех, кто ходил в атаки рядом с лейтенантом, кто знал, каким высоким авторитетом пользуется он у подчиненных и начальников.

Мы не ошиблись в Алексее. Имя Зуева приобретало все

большую известность в дивизии. Не раз его личное мужество и инициатива в бою отмечались в политических донесениях, а наша дивизионная газета «На разгром врага» печатала корреспонденции, призывавшие воинов брать пример с комсорга батальона.

Однажды в политотделе Зуев с гордостью сообщил, что за последние дни в батальоне стали комсомольцами двадцать четыре бойца. Я поинтересовался, что это за люди. И с откровенным удовольствием слушал, как горячо, заинтересованно говорил Алексей о тех, кому должен был вручать комсомольские билеты. Простые, порой еще почти не обстрелянные юноши вырастали у него в героев. Собственно, Зуев, по сути, и не преувеличивал. Просто комсорг знал о людях то, что порой недоступно другим. Знал и верил: если потребуется, любой из его товарищей по союзу молодых ленинцев не задумываясь пойдет на самое опасное, смертельное задание ради победы над ненавистным врагом.

Беседовали мы с Зуевым долго. Когда вышли из землянки, уже стемнело. В стороне Оболи взлетали ракеты, доносились выстрелы.

— Завтра нелегкий день ожидается, — сказал я. — Фашисты за тот берег крепко зацепились...

Алексей кивнул. Чуть помолчав, коротко произнес:

— Иду с ротой Карпенко. С рассветом и поднимемся.

Я знал, что рота Карпенко в атаку идет головной в полку.

Мы еще постояли с Зуевым возле землянки. В районе реки стихло, не долетало ни звука. Лишь веяло сыростью.

— Сейчас бы траву косить, — горько вздохнул лейтенант. — Да тут выжгло и траву... Вся подчистую сгорела... — В его голосе отчетливо звучала тоска — извечная тоска человека, рожденного для каждодневного крестьянского труда, привыкшего оберегать каждую травинку, а теперь уже столько времени идущего сквозь огонь по выжженной земле.

— Ничего, Алеша, наши покосы еще впереди, — тихо отозвался я и опять подумал, что рота Карпенко с рассветом первой шагнет под вражеский свинец. Сердце невольно сжалось...

...Подойти к реке роте долго не удавалось из-за плотного огневого заслона противника. С противоположного берега ударили из своих орудий три танка. Фашисты пытались контратаковать. Рота отразила натиск врага, но через боевые порядки просочились отдельные группы гитлеровцев. Совсем близко с каким-то собачьим завыванием просвистело

в воздухе — и взметнулось впереди яркое пламя. За ним еще, еще... Били минометы, захлебываясь, тарахтели пулеметы...

Перед ротой простиралась совершенно открытая, поросшая невысокой травой поляна, которую надо преодолеть. На берегу кусты, там проще укрыться, а поляна — вся как на ладони. Каких-нибудь полторы сотни метров, полторы сотни шагов — и на каждом может оборваться одна или даже несколько жизней.

Шли минуты. Вражеский огонь не только не затихал — забушевал еще яростней.

К Карпенко, лежавшему за кустом, подполз Алексей:

— Товарищ командир! Подниматься надо. Я с комсомольцами первым встану.

Карпенко повернул к нему черное от порохового дыма, с ввалившимися от усталости глазами лицо.

— Давай, лейтенант. Спасибо! Сейчас взводным отдам приказ. Поднимемся все... Давай, лейтенант...

Зуев вернулся на свою позицию, собрал самых надежных комсомольцев.

И тут положение усугубила нелепая страшная случайность, на которые столь щедра война. Гитлеровский снаряд упал именно в то самое место, где находился Карпенко с командирами взводов. Грохнул близкий взрыв. Медленно оседала земля...

— Командира убило! — понеслось по цепи.

— Командиров убило, всех... — передавалось от бойца к бойцу.

Всех! Разом! Рота обезглавлена!

У Зуева внутри до предела сжалась какая-то пружина.

Мгновение, второе... Надо принимать решение, иначе будет поздно. А решение одно: поднимать роту в атаку. Он теперь один. Один из командиров. Он должен взять на себя ответственность, подняться первым. Вот сейчас... Еще мгновение... Какой же надежной — убежищем, защитой, опорой — показалась Зуеву твердая, вздрагивающая земля.

Алексей понимал: минуты промедления могут повлиять на судьбу боя. На него с ожиданием, надеждой, готовностью рвануться вслед за ним смотрели бойцы...

С силой, обеими руками оттолкнулся Зуев от притягивавшей к себе земли, вскинул автомат:

— Рота, слушай мою команду! Вперед, за мной!..

Крикнул и побежал. Каким-то боковым зрением разом схватил напряженные лица Кости Егорова, Владимира Юрь-

ева и Ивана Шаркова, устремленного вперед с автоматом наперевес Сергея Воронина... Встала рота. Вся...

Вокруг ухало, выло, свистело, по уцелевшим островкам травы полз огонь.

Зуев бежал не оглядываясь. Так было легче. Внезапно в лицо дохнуло невыносимым жаром, он упал. Когда чуть приподнял голову, то не увидел даже ближних спасительных кустов над обрывом — их заволокло дымом от разрывов. И вновь Алексей пронзительно ощутил надежность земли, к которой прильнул всем телом, и вновь тут же рывком вскочил.

Кто-то рядом с ним хлопнулся на одно колено. Ата, отметил Зуев, Ваня Шарков. Выхватил из-за пояса гранату, метнул... Сквозь стелящийся низко над землей дым различил Воронкова — строчит из автомата.

Наступает рота, наступает! Ох молодцы, какие же молодцы! Безотказно действовал заряд, который он придал бойцам, поднявшись первым.

— Вперед! — отхаркиваясь от забивавшей горло копоти, прохрипел Зуев. — Даешь, ребята!

И тут же холодом опахнула мысль: «А куда вперед? Ведь там, за кустами, обрыв. Дальше — река. Переправочных средств нет, нечего и думать о них. Значит — вплавь. До реки надо непременно добраться, добежать, доползти...»

На него одного ложилась теперь ответственность за жизни бойцов. На него одного...

— Сергей, Сережа! — окликнул Зуев бежавшего рядом с ним сержанта Воронина. — Бери половину роты, залягте в траве и огнем прикройте нас!

Не задерживаясь, Алексей устремился к кустам. Там секундная передышка — несколько судорожных, полных вдохов всей грудью да пот стерт со лба небрежным, торопливым движением ладони — и дальше, дальше...

Воронин понял его тотчас.

Теперь они двигались к обрыву двумя группами.

В кустарнике, встретившись, осмотрелись. Внизу сквозь ветви отливало багровым, кипела от разрывов вода. Казалось, и ступить в такую реку немыслимо: сомнет, захлестнет, сожжет. А им предстояло ее преодолеть. Вплавь!

Опустившись на землю, Зуев торопливо стянул сапоги, портянки, быстро закрепил их ремнем за спиной и прыгнул с обрыва. За ним бросились в воду бойцы, держа над собой в левой руке автоматы.

Дерзость маневра предопределила успех. На противоположном берегу Оболи, пока враг не успел подтянуть под-

крепление, рота захватила небольшой плацдарм и, отбиваясь от гитлеровцев, сохранила его до подхода основных сил.

Вечером того дня позвонили из политотдела 6-й гвардейской армии, куда тогда входила наша дивизия. Попросили данные на Зуева.

В наградном листе А. М. Зуева, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны СССР, записано: «Во время прорыва обороны противника Зуев все время находился впереди, воодушевляя личный состав на подвиги. Он проявил разумную личную инициативу: в критический момент боя принял на себя командование подразделением и выполнил боевую задачу...»

А следующим утром на передовую прислали отпечатанные листовки с портретом Алексея Зуева. Поэт Алексей Сурков, находившийся в те дни на нашем фронте, посвятил отважному комсоргу стихотворение «Герой-комсомолец». Есть там такие строки:

Он честь Героя заслужил
В той схватке за рекой,
Семнадцать немцев уложил
Комсорг своей рукой...

Примерно через полмесяца Алексей снова заглянул по делам в политотдел дивизии. На его груди блестела Золотая Звезда Героя. Я сердечно поздравил офицера с высокой наградой.

— Это вам на память, — смущенно протянул он мне свою фотографию, такую же, как на листовке...

С тех пор более тридцати лет хранится в моем личном архиве этот снимок. Память об Алеше Зуеве...

Невредимым прошел отважный комсорг через многие бои. Встретил День Победы.

Однако смерть преждевременно вырвала Героя из жизни. В ноябре 1952 года его не стало. Похоронили Алексея Зуева в Полтаве.

Когда мы, однополчане 47-й стрелковой дивизии, собираемся в День Победы, вспоминаем многих своих товарищей. Среди них — Алешу Зуева. Его подвиги... В такие минуты обязательно звучит название небольшой белорусской реки — Оболь.

Над ней теперь тишина. И совсем просто перейти на берегу поросшую густой травой поляну...

Бывший заместитель
начальника политотдела 47-й стрелковой дивизии
полковник в отставке Ф. ТРЕТЬЯКОВ